

УЧИТЬСЯ У ШОЛОХОВА

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Литературная и общественная деятельность Михаила Александровича Шолохова исполнена беззаветным служением партии и народу. Его неустанные творческие поиски, изумительные по силе и значению поэтические создания составили драгоценный вклад в сокровищницу советской и мировой культуры. «Тихий Дон», «Поднятая целина», рассказы, очерки, главы из романа «Они сражались за родину» — яркое художественное выражение сложной цепи важнейших исторических событий, судеб поколений, великая эпопея советского народа.

Юбилей Михаила Александровича Шолохова — большой праздник литературы социалистического реализма. Творческий опыт М. А. Шолохова является замечательной школой для многих работников литературного фронта.

Он учит умению воспроизводить жизнь во всей сложности социальных противоречий и конфликтов, учит художественно-достоверно изображать «красоту истины и уродство предрассудков». По справедливому суждению А. С. Серафимовича, Шолохов «...силен в первую голову, как крупнейший художник-реалист, глубоко правдивый, смелый, не боящийся самых острых ситуаций, неожиданных столкновений людей и событий».¹

Следовать творческому методу М. Шолохова, — значит, к тому же учиться отображать типические явления в неповторимой индивидуальности, воплощать в художественных образах диалектическое единство общего и частного, настойчиво изучать

классическое наследие и постоянно вносить что-то свое в сложный процесс непрестанного развития литературы как искусства слова.

Все эти качества шолоховского стиля позволяют говорить о глубочайших связях писателя с русской классической литературой, на почве которых и рождалось новаторство М. А. Шолохова.

В имеющихся литературоведческих работах в известной мере прослеживается историческая закономерность творческой связи Шолохова с Л. Толстым, М. Горьким, А. Серафимовичем и другими писателями. О влиянии Чехова на Шолохова впервые сказал сам Шолохов: «Казалось бы, что общего между мной и Чеховым? Однако и Чехов влияет...» Шолохова сближает с Чеховым многое, и прежде всего, — органическое слияние в их творчестве двух стилистических начал — драматического и комического.

В самом деле, изображая «рождение нового общества в муках и трагедиях социальной борьбы», Шолохов в одной и той же картине может вызвать у читателей восхищение самоотверженной борьбой народа за свои высокие цели, заставить нас страдать, глубоко переживая страдания героев, и в то же время смеяться вместе с ними над комическими положениями, в которые они попадают.

Обратимся хотя бы к сцене из «Поднятой целины», где изображается Макар Нагульнов во время бритья: «Макар брился в своей комнате, изогнувшись дугой, неловко сидя перед крохотным осколком зеркала, кое-как прилаженным к цветочному горшку...».

Юмористическое звучание этой сцены создается при помощи введения

понятий, не соответствующих подлинному состоянию героя. Самое обычное проявление чувства, которые испытывал Макар от тупой бритвы, нарочито выдается за что-то значительное и даже возвышенное: «тупая покорность судьбе», «сдержанная мука», «отчаянная решимость» и др. Имеет место гиперболизация: «перекосившееся от боли окровавленное лицо», «бедная женщина испуганно охнула, попяtilась к порогу».

Шолоховед Е. П. Дрягин был прав, когда одну из первопричин юмористического у Шолохова определил как комизм противоречия между предметом и его характеристикой в речи.² Эта же сцена одновременно получает и драматическое звучание. Оказывается, Макар Нагульнов не может расстаться с бритвой по важным причинам. «Давно бы выкинуть ее надо,— говорит он Майданниковой,— да жалко, привык мучиться с проклятой. Она со мной две войны прошла, пятнадцать лет мне красоту наводила. Как же я могу с ней расстаться?»

Слияние комического и драматического начал явилось одной из самых существенных особенностей творческого метода А. П. Чехова. Эту особенность мы можем наблюдать, читая ранние рассказы «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Ионыч», «Учитель словесности», «Скрипка Ротшильда» и др.

Бесспорно, совершенно иная общественная обстановка, иное мировоззрение наложили свой отпечаток на формы комического и драматического в творчестве М. А. Шолохова. Трагизм, рожденный социальными конфликтами, и, юмор победителей в борьбе за новое общество — то новое, что появляется в творчестве Шолохова в отличие от Чехова, исследовавшего судьбу маленького человека, его нелепость, по существу, трагической судьбы.

Шолохова и Чехова объединяет также исключительный интерес к интеллектуальному миру простого труженика. Может быть, именно им

полнее всего удалось выразить ту особенность русского характера, которую В. И. Немирович-Данченко именовал «гением нации» — это слияние «героизма с самым сильным юмором, не оставляющим русского человека чуть ли не за три секунды до смерти»...

Исключительный интерес представляет метод психологического анализа в произведениях Шолохова. И в этой области, продолжая традиции русской классической литературы, он сумел открыть новый, неповторимый мир человеческой души.

Взять хотя бы образ Мишатки, который, по мнению Алексея Толстого, вместе с образом Пантелея Прокофьевича, «достойны отнесению к классическим образам».

Перед смертью Наталья «поманила пальцем к себе детей, обняла их, перекрестила, поцеловала и попросила мать, чтобы та увела их к себе...

Наталья закрыла глаза, сказала как бы в забытьи:

— Так я его и не увижу... — Потом, словно что-то вспомнив, резко поднялась на кровати. — Верните Мишатку!

Угрюмоватый, с неласковым мелеховским взглядом, Мишатка несмело подошел к кровати. Резкая перемена, происшедшая с лицом матери, сделала мать почти незнакомой и чужой. Наталья притянула к себе сынишку, почувствовала, как быстро, будто у пойманного воробья, колотится маленькое Мишаткино сердце.

— Нагнись ко мне, сынок! Ближе! — попросила Наталья.

Она что-то зашептала Мишатке на ухо, потом отстранила его, пытливо посмотрела в глаза, сжала задрожавшие губы и, с усилием улыбнувшись жалкой, вымученной улыбкой, спросила:

— Не забудешь? Скажешь?

— Не забуду... — Мишатка схватил указательный палец матери, стиснул его в горячем кулачке, с минуту подержал и выпустил. От кровати пошел он, почему-то, ступая на цыпочках, балансируя руками».

В следующей главе автор рисует другую сцену. Прибывший с фронта Григорий Мелехов и Пантелей Прокофьевич сидят за столом в мелеховском курене. Разговор у них не вяжется. На столе самогон. В это время к столу несмело, бочком подошел Мишатка. Он вскарабкался к отцу на колени и, неловко обнимая его за шею левой рукой, крепко поцеловал в губы.

«— Ты чего это, сынок? — растроганно спросил Григорий, заглядывая в затуманенные слезами детские глаза.

— Маменька, когда лежала в горнице... когда она ишо живая была, подозвала меня и велела сказать тебе так: «Придет отец — поцелуй его за меня и скажи ему, чтобы он жалел вас». Она ишо что-то говорила, да я позабыл...

Григорий поставил стакан, отвернулся к окну. В комнате долго стояла тягостная тишина».

Взятые нами два эпизода наиболее наглядно характеризуют шолоховский метод психологического анализа, когда писатель привлекает для раскрытия внутреннего мира персонажей целый комплекс изобразительных средств. Особенно поражает здесь глубокое проникновение писателя во внутренний мир детской души, так рано познавшей недетские страдания.

Все — портрет, психологическая деталь, авторская ремарка, речевая характеристика, жест, мимика находятся в тесной взаимосвязи и подчинены единой цели — глубокому психологическому анализу.

Дороги нам дивные картины донской природы М. Шолохова с их многоцветным ароматом, живописными переливами красок, всегда наполненными то радостно волнующими мелодиями, то тревожно настораживающими звуками. Отличаются они не только своей неподражаемой поэтической свежестью, но прежде всего глубокой социальной тональностью. Каждая деталь пейзажа, как правило, озарена тем особенным светом, проникнута той высокой идеей, которые

определились глубоким партийным мироощущением автора и его положительных героев.

Первенство в создании поэтического образа донской природы принадлежит изумительному мастеру пейзажной живописи А. П. Чехову, учителю и земляку Шолохова. Со страниц его «степных» повестей и рассказов встают беспредельно широкие просторы песенного Дона с их радостной и грустной красотой. Величавая степь с размашистыми богатырскими дорогами, по которым шагать бы только Илье Муромцу, у Чехова наполнена контрастными картинками, в которых чувствуется отзвук общественной жизни — «омытое росой и обласканное солнцем, оживало, чтобы вновь зацвести...», но тут же: «обманутая степь приняла свой унылый июльский вид. Трава никла, жизнь замерла»; «покорная природа цепенела в молчании». «Ни ветра, ни бодрого, свежего звука, ни облачка... Но вот... степь, холмы и воздух не выдержали гнета и, истощивши терпение, измучившись, попытались сбросить с себя иго... сильно рванул ветер и с шумом, со свистом закружился по степи».

Глубокий лирический подтекст чеховского пейзажа, его выразительность свойственны и шолоховским картинкам природы. Шолоховский пейзаж в то же время наполнен неповторимыми поэтическими образами, рожденными творческой фантазией писателя под воздействием социалистических форм человеческих отношений, новых эстетических идеалов.

Взять хотя бы пейзаж, открывающий вторую книгу «Поднятой целины», когда «дивно закрасовалась под солнцем цветущая, омытая дождем степь! Была она теперь, как молодая, кормящая грудью мать,— необычно красивая, притихшая, немного усталая и вся светящаяся прекрасной, счастливой и чистой улыбкой материнства».

Обильная колхозная степь в «Поднятой целине» достигает яркой выразительности и эмоциональности при

помощи развернутого сравнения ликующей природы с образом молодой счастливой матери. Это она, «вся светящаяся прекрасной, счастливой и чистой улыбкой материнства», в поэтике Шолохова предстала реальным олицетворением нашей жизни, полной славных дел и великих свершений.

Умение Шолохова пронизательно видеть и с партийных позиций оценить ведущие тенденции современной эпохи помогло ему продолжить и обогатить лучшие традиции русской классической литературы. В силу этого творческий метод Шолохова, неувядаемые образы его произведений оказывают неослабное, плодотворное воздействие на развитие советской и всей прогрессивной литературы.